

[...] перед трудностями и, поверь, буду писать по-прежнему часто. В остальном я весьма счастлив и доволен своей жизнью – у меня все благополучно, ни в чем не нуждаюсь, сыт, одет, обут, беспокоиться, отнюдь, не следует ни тебе, ни маме, ни дяде Люсе. Я вернусь к вам здоровым, невредимым и бодрым – вот увидишь – ведь судьба не покидает меня с первых дней участия в Отечественной войне на передней линии фронта.

Глубоко сочувствую тебе и разделяю твое отчаяние по поводу трудностей в учебе, возникших из-за разрушений в городе, отсутствия света и отопления в некоторых вузах и жилых домах. Но ничего не поделаешь, всем сейчас одинаково солоно и остается бороться с трудностями, смело добиваться своего.

Насчет дружбы ты была права. В хорошем дружеском обществе, члены которого разделяют большинство взглядов твоих, приятно провести время, но сейчас это редкость.

О девочках, подругах твоих. Надя Викторовская, очевидно, думает по-обывательски и лишена чуткости. На мои дружеские письма она ответила сухим, чуть ли не грубым письмом (всего я получил от нее 2 письма и первое понравилось мне, а второе так разочаровало и обозлило, что ты и преставить себе не можешь!), написанным специально, чтобы отделаться – так, очевидно, я надоел ей за весь период (увы, столь немногочисленной) нашей переписки. Впрочем, я и не особенно жалею, что так получилось. Добиваясь дружбы и желая [...] вести [...]